Д. Н. Джабраилов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

На Северном Кавказе переплетены различные типы конфликтов: политические, межнациональные, территориальные, социально-экономические, конфессиональные и др. Причем выразителем этнополитических и других интересов является, как правило, не весь этнос, а незначительная его часть – элитные группы, которые чаще всего преследуют личные интересы. Следует отметить, что факторы эскалации конфликтов, например, в Дагестане, как и в других регионах страны многообразны и включают социальные, экономические, политические, и социокультурные аспекты. Поэтому содержанием всякой национальной политики является не столько «снятие» уже существующих противоречий и негативных явлений, сколько умение их прогнозировать, создание таких механизмов, которые исключали бы межнациональную и этноконфессиональную напряженность, национальную нетерпимость. Решение этих задач требует объективного и непредвзятого подхода к исследованию процессов этнополитической, социально-экономической и духовной жизни, поиска наиболее оптимальных путей взаимоотношений политических, социальных и этнических структур, формирования внутри межнациональных связей, гармонизации национальных и конфессиональных взаимоотношений.

Что касается Дагестана, то основные сферы, где в наибольшей степени проявляется напряженность – система власти, экономико-социальное положение (около 70% трудоспособного населения – безработные), межгрупповые отношения. Самый болезненный вопрос – власть, ситуация в этой сфере характеризуется частыми конфликтами, хотя военная составляющая напряженности в последние два года менее выражена. Обстановка в республике до сих пор мало напоминает общественно-политическую, она более похожа на военно-полевую и оперативно-розыскную[1].

[1] См.: Российский Кавказ. Книга для политиков / Под редакцией В. Тишкина. М., 2007. С. 133–147.

Несмотря на то, что в течение последних лет положение в Дагестане относительно стабилизировалось, вооруженный криминал все еще совершает террористические акты и убийства. Усиление правоохранительных органов не уменьшает уровень преступности. Она растет соответственно обнищанию, безработице, росту субъективных ощущений несправедливости общественного устройства. Постоянно идет настоящая охота на милиционеров всех рангов – от полковников до рядовых. У населения скопились огромные запасы оружия. Предпринятая властями акция по выкупу оружия у граждан не имела успеха – выяснилось, что на эти цели нет денег ни у республиканской власти, ни у федерального центра[1].

Одна из социально-политических причин конфликтной ситуации в Дагестане – обострившиеся земельные разногласия между горцами и жителями равнинной территории, а так же между этническими группами. В некоторых случаях до трети угодий равнинного района принадлежали горцам. Земли были им переданы еще в советский период под отгонные пастбища. Ныне эти пастбища зачастую используются не по назначению и превращены в фермерские хозяйства. В связи с решением вопросов права земельной собственности проблема дележа земли все более обостряется и приобретает этнический оттенок. Острые противоречия возникают между равнинными жителями – кумыками, ногайцами, русскими, азербайджанцами с одной стороны и аварцами и даргинцами – с другой[2].

Одним из факторов, дестабилизирующим обстановку в Дагестане является рост безработицы. Ее уровень превысил среднероссийские показатели более чем вдвое. Пока с этим явлением не может справиться Государственная служба занятости.

До последнего времени действовал эффективный амортизатор, сдерживающий социальные последствия безработицы, – рост неформального сектора коммерческой деятельности населения: многие стали заниматься челночным бизнесом, розничной уличной торговлей и т. д. Однако сейчас этот сектор насыщен до предела и больше не может вобрать новых участников.

---

[1] См.: Проблемы обеспечения социальной стабильности в Дагестане / Дагестан на рубеже веков. М., 1998.

[2] *Муртузалиев С.И.* Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе). Махачкала, 2006. С. 67.

Заметно обостряются противоречия между основной массой населения, политической и имущественной элитой. Как известно, плодами «перестройки» и последующими за ней экономическими реформами смогли воспользоваться прежде всего те, кто до этого были близки к распределению ресурсов и продукции: государственная и партийная элита, директора заводов и фабрик, совхозов, колхозов и т. д. Через льготные и беспроцентные кредиты, банковские операции, различные биржи и кооперативы значительная часть старой элиты сконцентрировала в своих руках огромные средства.

Другим социальным противоречием является то, что в Дагестане образовались определенные социокультурные модели ориентаций и поведения: 1) ориентация на европейские нормы и ценности и 2) ориентация на «Восток». Тех, кто ориентируется на европейские нормы, разумеется, значительно больше в городах. Их больше среди лиц лакской национальности, а так же среди лезгин и других народов южного Дагестана, не говоря уже о русских и других «некоренных» национальностях.

Верующих мусульман, ориентирующихся на вторую модель, заметно больше среди аварцев, даргинцев и кумыков. Кумыки, кроме того, ориентируются на Турцию как свою духовную родину. Эти идеологические вариации, хотя потенциально весьма существенны, но пока еще не противостоят открыто друг другу. В свою очередь тех, кто ориентируется на европейские нормы и ценности можно подразделить на «коммунистов» и «демократов». Первых значительно больше, вторые составляют 8–10% от их общего числа.

Часть придерживающихся восточной ориентации (верующие мусульмане и сочувствующие исламским ценностям) также можно разделить на две, отчетливо различающиеся группы: «традиционалистов» – тех, кто придерживается бытового, традиционного для дагестанцев, ислама, и «ваххабитов» – сторонников исламского фундаментализма. Последних очень немного, они локализуются главным образом в сельских районах горного и предгорного Дагестана и примыкающих к ним равнинных районов. Есть сведения, что ваххабитские группы стали возникать среди лезгин южного Дагестана.

Хотя общее число ваххабитов незначительно, их воздействие на политический процесс в республике усиливается. Во-первых, они вооружены, что чрезвычайно сильно воздействует на мотивацию горского населения приобретать оружие. Там, где появляется

хотя бы незначительная группа ваххабитов, все окрестное население начинает лихорадочно вооружаться в целях своей безопасности. Во-вторых, критика ваххабитами традиционного исламского духовенства не только возбуждает необычайно сильную вражду между этими религиозными группировками, но и, что значительно опасней, радикализирует деятелей традиционного ислама и в целом усиливает отчужденность между европейски и восточно ориентированными дагестанцами. Традиционное дагестанское духовенство под воздействием критики ваххабитов смещается к радикальному полюсу, но при этом агрессивность между ними не ослабляется, а возрастает.

Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой террористические группировки. Экстремистский «джихад» неумолимо растекался по региону. Особенно сложная ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – Дагестане, Чечне и Ингушетии. Она в свою очередь предопределила процессы в других республиках Северного Кавказа.

Несмотря на рост влияния духовенства на молодежь, конфессиональные организации пока не оправдали возлагаемых на религию надежд политиков и самого духовенства на быстрое и эффективное урегулирование негативных процессов в Республике Дагестан и Северо-Кавказском регионе[1].

Думается, что в ближайшее время ситуация в корне не изменится, а значит, следует искать и другие рычаги (механизмы), способные привести к толерантным взаимоотношениям между представителями разных конфессий. Необходимость комплексного, всестороннего подхода к решению данной проблемы диктуется тем, что на Северном Кавказе наибольшее распространение традиционно получили две религии: ислам и христианство. Дискурс между ними существовал всегда, но какими бы враждебными ни были установки одной религии по отношению к другой, между ними постоянно происходило общение, подспудный обмен ценностями. Одна религиозная культура заимствовала у другой прежде всего то, что ей недоставало в ее собственном потенциале. Обмен мог

[1] См.: Трансформации в сознании молодежи Северного Кавказа в условиях глобализации. Махачкала, 2006. С. 261–271.

быть продуктивным в большей или меньшей степени, но он всегда существовал.

Нет для Дагестана сейчас более важной, стратегически более значимой задачи, чем ускорение консолидации представителей различных народов Дагестана в единую надэтническую общность – дагестанцы. Для ускорения этого процесса есть все необходимые условия. Большинство населения сегодня уже сконцентрировано в районах равнинного, приморского Дагестана и в городах, заселяемых на многонациональной основе, где нередки межнациональные браки и идет смешение культур, где у население общается на едином для всех дагестанцев языке – русском; языке, ставшем не просто языком одного из народов Дагестана, более того, не просто языком межнационального общения, но и языком общедагестанской наднациональной общности – языком дагестанцев.

В то же время малые народности республики сохраняются в почти неизменном относительно столетней давности виде в однонациональных, прежде всего, горных районах, хотя сами эти районы все более теряют свое влияние на судьбу Дагестана, на ее экономику. Они имеют значение все более как хранилища народной памяти и поставщика молодежи для все еще растущих многонациональных территорий. В отличие от нередких в современном Дагестане сторонников сохранения этнической идентичности, будущее у народов республики есть только в том случае, если ей удастся добиться этнической консолидации. С учетом того, что ни один из народов современного Дагестана не составляет абсолютного большинства в численности населения, это смешение народов не может считаться ассимиляцией и единственно верным термином может считаться «этническая консолидация». В этом смысле процессы, происходящие в многонациональных районах республики, позволяют ставить вопрос так, как он формулируется в Российской Федерации – создание единой гражданской нации из разрозненных представителей различных народов.

Однако в Дагестане понятие «народ» в аспекте демократии включает еще и этническое содержание. Дагестанский народ – дагестанское общество – это многосоставное общество, где у людей множество идентичностей (в том числе гражданская и этническая). Не всегда общедагестанская идентичность преобладала над этнической, когда речь идет об участии дагестанца в политической жизни республики. Когда жители республики принимают участие в

общероссийском политическом процессе (например, выборы Президента России), данный акт осуществляется с полным преобладанием гражданской идентичности над этнической. А на республиканском или районном уровне этническое самосознание пока еще преобладает над гражданским.

На наш взгляд, всестороннее изучение социально-политических предпосылок возникновения межэтнических конфликтов актуально в современных условиях и необходимо для своевременного прогнозирования межнациональной ситуации и выработки научно обоснованных практических рекомендаций по предупреждению межнациональных столкновений.